

ОСТРАКОН С ТАГАНРОГСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

(Эпиграфический комментарий)

При сборах 1989 г. на Таганрогском поселении найден был окатанный морем, соединяющийся из двух обломков амфорный остракон, поступивший из коллекции А.Л. Глейзера в Таганрогский музей (КЛ-89, № 49). Судя по тексту нанесенной на него греческой надписи, разбираемой ниже, слева утрачена примерно половина черепка, имевшего некогда скорее всего подовальную форму. Максимальные размеры сохранившейся части амфорного фрагмента 5,5×4,3 см, высота букв колеблется от 0,5 до 1,0 см (рис. 1).

Граффито процарапано достаточно глубоко и аккуратно в манере бустрофедон, первая строка которого определяется не только по более крупным и шире расставленным буквам, но и согласно принципам этой манеры письма: две первых строки исполнены так называемым псевдобустрофедоном, когда верхушки букв смотрят вверх, а последняя строка плавным изгибом из средней перетекает в исконный бустрофедон (Schlangenschrift), когда идущие слева направо буквы перевернуты вверх ногами. Если допустить, что Schlangenschrift выдержан полностью (т.е. рисунок переворачиваем *vice versa*), тогда наша стк. 1, став последней, ориентирует верхушки букв вниз, что в эпиграфике беспрецедентно¹. Подобная

²⁷ Соловьев С.Д. Березанское поселение и Северо-Западный Крым // Международные отношения в бассейне Черного моря... 1996. С. 32.

¹ См. Zinn E. Schlangenschrift // Das Alphabet. Darmstadt, 1968. S. 292–320.

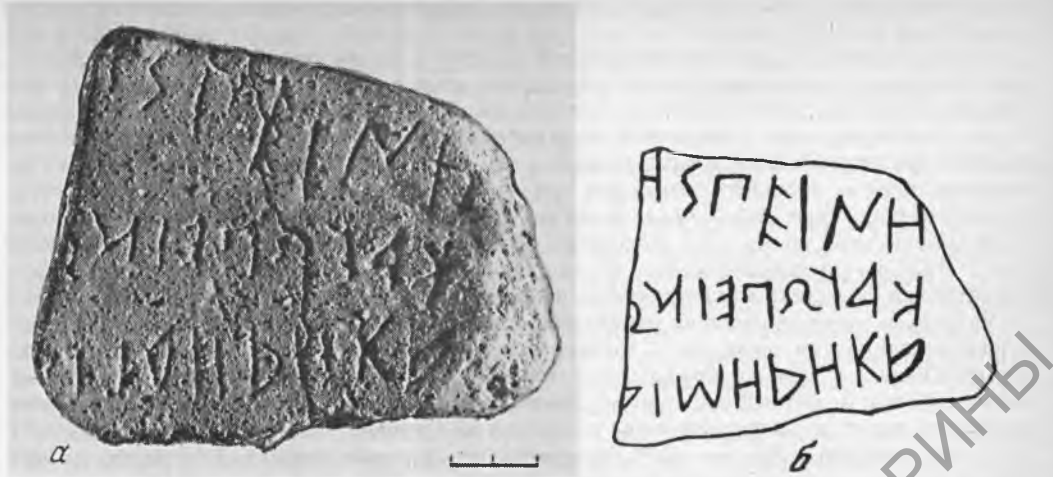

Рис. 1. Граффито на таганрогском остраконе: а – фото, б – прорисовка

архаическая система письма дает начальный репер для датировки надписи, коль скоро бустрофедон нашел широкое распространение в Греции вообще и Западной Ионии в частности именно в VI в. до н.э.²

Вторым уточняющим индикатором служат диагностические формы букв: *альфы* – один раз со скошенной, смыкающейся углом перекладной, а в другом случае еще и с выгибающейся дугою наклонной чертой³; склоненного вперед *эpsilon* с опущенными горизонталями и вертикалью, в одном случае выступающей снизу, а в другом – еще и сверху; наклонного *ню*, слегка отгибающегося к тому же правую густу; трехчастной *сигмой*, встреченной в восточноионийских центрах: Эфесе, Смирне, Хиосе (не исключено, что и в Милете, как показывают архаические надписи из его колоний⁴), и особенно – ранней *омеги* с опущенными вниз под разными углами усиками⁵. Вся шрифтовая диагностика, включая бустро-

² См. например: Woodhead A.G. The Study of Greek Inscriptions. Camb., 1967. P. 26; Guarducci M. Epigrafia greca. I. Roma, 1967. P. 409.

³ Как, например, на статере Фана (Guarducci. Op. cit. I. P. 262 sg., № 4), в Навкратисе (Gardner E.A. Naukratis. II. L., 1888. P. 62. Pl. XXI, 701; P. 65. Pl. XXI, 778; P. 67. Pl. XXII, 840) и у некоторых березанских архаических inedita.

⁴ SEG XXXII, 724; издатели нового супплекта к LSJ (p. 225), упустив, видимо, corrigenda, включили в него ошибочное чтение ed. gr., исправление которого мною (Bull. ép. 1990, 553) было поддержано С.Р. Тохтасьевым (SEG XXXV, 858), который в последней работе (Виноградов Ю.А., Тохтасьев С.Р. // Hyperboreus. 1998. 4, 1. С. 42. Прим. 49) так и не пояснил, чем же «некорректна» моя критика его искусственной интерпретации, родившейся из неверной экзегезы глоссы Гезихия οἰφίλης как «сластолюбивого импотента» («для Идантемида хватит и этого количества вина, больше... ему... не рекомендуется – ведь Идантеמיד мог стать импотентом... от пьянства»). Расширенный список парадигматических composita из местного теонима + греч. основы см. Vinogradov Ju.G. Pontische Studien. Mainz, 1997. S. 153. К чередованию долгих и кратких сонантов в «обсценной» (!) лексике (e.g. βιωῶ = βεῖωῶ – встречено и в Ольвии!) см. Bain D. // CQ. 1991. 41. P. 54–62. Вазовый термин ἀριστήχος, конечно же не имевший никакого отношения к стандартам мер жидкостей, вошел в Lexicon vasorum Graecorum. I / Ed. M.I. Gulletta. Pisa. 1992. Самодельный рисунок на дарственной кружке Идантемиду отнюдь не «изображение карлика, сбивающего палкой (суб)тропические плоды, из которых, видимо, и вырабатывались ароматические средства, возбуждавшие "похотливого Идана"», представшего воображению В.П. Яйленко (Греческая колонизация VIII–III вв. до н.э. М., 1982. С. 269), но всего-навсего неумело нацарапанная копия расхожего рисунка чернофигурных ваз: воина в паноплии и обычного орнамента из цветков и бутона лотоса, коим даритель скромно украсил свой презент – С.Р. Тохтасьеву оставался всего лишь шаг до верного решения.

⁵ Третью справа букву средней строки поначалу можно принять за *ипсилон*, который заставил бы допустить ошибочный пропуск *йоты* в dat. ἰω(ι) (к этой форме в ион. ср. КБН. С. 805, § 12), что ослабило бы версию методически. На деле же перед нами архаическая *гамма* со вздыбленной горизонталью, знакомая милетянам из Навкратиса (Guarducci. Op. cit. P. 261. № 3. Fig. 115) и Борисфена (см. прим.).

федон переходного типа, заставляет датировать таганрогское граффито третьей четвертью VI в., ближе к его середине⁶.

Сложнее обстоит дело с реконструкцией размера и текста утраченной части остракона, соответственно с определением его содержания, хотя и это не представляется вовсе безнадежным. Прежде всего бросается в глаза явная элизия в ст. 3 (-δμ' ἦρκα), указывающая на то, что перед нами сочиненный от первого лица стих, в соседних строках которого дважды повторены одноосновные лексемы: πεῖτη и πεῖω. Их союзное соединение местоимением κδῶν не оставляет сомнений в том, что первая лексема – не ионийское существительное πεῖτη, а impreg. πεῖτη (более вероятно, чем graec. или conj.)⁷ безусловно в метафорическом значении глагола – не «голодать», но «жаждать, страстно желать», управлявшего gen.⁸ Поэтому предшествующее -ης скорее окончание не личного имени или некоего определения, но какого-то абстрактного понятия.

Граффити, наносившиеся на служившие симпосиастам чаши, способны подсказать дополнение окончания слова стк. 1 таганрогского граффито. На тулове происходящего из Нимфея килика V в. до н.э. процарапано: εὐθυμίας {1} εἰμι ἢ κύλιξ (χαρίεσσα πίνοντι) – «я килик радости, (приятный пьющему)»⁹. В том же направлении указывает другое синхронное и, видимо, также версифицированное граффито на закраине чаши из Ольвии: [ὄς ἀμ πίνη μ]ε, πολὺ κρα[δ]ίτη εὐθυμῆσεται¹⁰. Интересно, что в элегии Иона (1.13–14 Bergk) Дионис прямо назван «распорядителем веселых симпосиев» (εὐθυμῶν συμποσίων πύτανις). Эллинская религия даже персонифицировала Евтимию (Pind., fr. 155; Memn. FGnH 434 F 4,2). Обильное употребление обозначающих чувства abstracta: εὐθυμία (4 раза) и δίψα/διψᾶω у Пиндара¹¹ дает, кажется, ключ к дополнению первого слова стк. 3. Из всех приводимых обратным словарем Kretschmer-Locker лексем на -δμος: (παυ)λοδιδμος, ἐδάδμος, κῦδιδμος, πλάδιδμος, φαδιδμος, ввиду семантики глагола αἰρέω мы вправе остановить свой выбор на эпитете κῦδιδμος = «славный», коль скоро прилагательное φαδιδμος того же смысла характеризует только героев, а по отношению к прочим, одушевленным и неодушевленным объектам означает «сияющий, светлый». Особое значение приобретает в этой связи финал XIV Олимпийской оды Пиндара (Pind. Ol. 14, 24), гласящий, что орхоменец Асопий «увенчал себя крылами славных победных наград» (ἐστεφανώσε κῦδιδμων ἀέθλων πτεροῖσι).

Как известно, в греческой лексике терминами ἀθλον, ἀθλα, лир. δέθλα именовались призы не только на гимнических или мусических состязаниях¹², но и в ходе застольных, симпосиальных забав, например, при игре в коттаб, прямым свидетельством чему служит отрывок из позднеклассического историка Дикеарха, приведенный Афинеем (Athen. XI. 479 d–e)¹³: «Это занятие [коттаб] вошло в обычай, дабы привнести на симпосии так называемые

⁶ Передвинуть надпись в первую половину столетия мешает отсутствие замкнутой *эты*, см. Jeffery L.H. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxf.², 1990. P. 325. Поразительно, насколько близка нашей, вкпе с бустрофедоном, палеография синхронного письма на свинце с Березани, в котором встречены те же редкие формы *гаммы* (дважды) и трехчастной *сигмы*: Vinogradov Ju. The Greek Colonisation of the Black Sea Region in the Light of Private Lead Letters // Ed. G.R. Tsetskhladze. The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historia-Einzelschriften. 121. Stuttgart, 1998. P. 155. Fig. 1. То же встречено и в неопубликованных граффити из Милета.

⁷ Учитывая ион. η = ηι (ср. ἦρκα = ἦρηκα), это вовсе не исключено, но маловероятно ввиду поэтико-декларативного характера нашего текста.

⁸ Ср. Schwyzler Ed. Griechische Grammatik. Bd. II. München, 1975. S. 105. О ранней контракции в этом глаголе α + ε > η см. LSJ, s.v.

⁹ ОАК за 1876 г. С. 21; за 1877 г. С. 274 сл.; Jeffery. Op. cit. P. 460. Pl. 72. № 63; SGDI. III, 2, № 5579; Vechel F. Die Inschriften des ionischen Dialekts. Göttingen, 1887. № 125; Kretschmer P. Griechische Inschriften ihrer Sprache nach untersucht. Gütersloh, 1894. S. 4. Anm. 3; Билимович З.А. // СХМ. 1961. II. II. С. 30. Прим. 1; Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.–Л., 1953. № 108; Силантьева Л.Ф. // МИА. 1959. 69. С. 63. Рис. 20. При предложенном мною, вполне мыслимом дополнении этот версифицированный текст станет законченным гекзаметром; ср. на синхронном килике из Ольвии (SEG 464): ἡδύποτος κύλιξ εἰμι φίλη πίνοντι τὸν οἶνον.

¹⁰ Толстой (Ук. соч. № 15) склонен читать здесь: [πλὼν μ]ε Πολυκρά[της] εὐθυμῆσεται.

¹¹ См. Гринбаум Н.С. Художественный мир античной поэзии. Творческий поиск Пиндара. М., 1990. С. 136 сл.; автор отмечает, что впервые слово εὐθυμία встретилось именно у Пиндара, но это, естественно, не должно означать, что оно было придумано им самим.

¹² Свидетельством чему служат соответствующие надписи на панафинейских амфорах, бронзовых сосудах и иных призах, одержанных на панэллинских и полисных агонах.

¹³ Dikaearch. FHG. II. 247 ap. Athen. XI. 479 d–e. Об Аристотелевом ученике перипатетике Дикеархе см.

коттабические награды (ἄθλα κωττάβεια καλοῦμενα), среди прочего специально предназначенные для этого килики, прозванные «коттабидами». Если учесть, что глагол αἰρέω имел специальное значение "побеждать, одерживая призы на состязаниях"¹⁴, то не покажется такой уж невероятной следующая реконструкция таганрогского симпозиального остракона:

ἐϋθυμί]ης πεινῶ·	→ Жажда (веселья)!
κἀγὼ πεινῶ [τε δεθλαῖ	← Страстно желаю и я и (награды
νῦν τὰ κύ]διμ' ἤρηκα.	→ ныне) славные стяжал.

В пользу предложенного восстановления могло бы служить и то, что в левой обломанной части остракона тогда оказалось бы утрачено одинаковое число букв: в более размашистой стк. 1 – 6 букв, в более убогих стк. 2 и 3 – 7 букв. Если признать за восстановленным таким образом стихом хоть некое сходство с поврежденным оригиналом, то первая его строфа (сткк. 1 и 2) предстанет перед нами безупречным гекзаметром, а вторая (стк. 3) – катаlecticким трохеическим диметром с единственным изъяном: иррациональный спондей занял свое место не во второй, а в третьей стопе, чему не трудно отыскать параллели в доморощенных виршах подобного пошиба¹⁵.

Историческое значение таганрогского остракона состоит в следующем. Во-первых, обилие ионизмов в его тексте – безусловное свидетельство того, что обитатели Таганрогского поселения были представлены по большей части выходцами из Восточной Ионии, по всей видимости, милетянами, как и борисфениты – первые поселенцы синхронного поселения на о-ве Березань. Безупречный греческий язык, система письма бустрофедон, а главное – основательное знакомство со стихосложением и поэтической лексикой бесспорно говорят о высоком уровне их духовной культуры. И, наконец, сам застольный характер таганрогского граффито, как бы ни решался вопрос о его агонистическом назначении, плохо увязывался бы с сезонным характером Таганрогского поселения, т.е. с определением его функций как якорной стоянки эллинских купцов-мореплавателей или даже временной фактории, иначе эмпориа в статусно-политическом аспекте этой дефиниции.

Ю.Г. Виноградов

AN OSTRACON FROM THE TAGANROG SETTLEMENT

(An Epigraphical Commentary)

Yu.G. Vinogradov

The author publishes an amphora ostrakon mentioned in V.P. Kopylov's article. The left part of the ostrakon is lost. A complex script diagnosis of the text in three lines including the boustrophedon of an intermediate type (between *Shlangenschrift* and pseudo-boustrophedon) dates the graffito back to the 3rd quarter of the 6th c. BC, somewhat closer to its middle.

A textological analysis of the surviving words on the ostrakon makes the author conclude that this is an inscription in verse consisting of two hexameters (lines 1 and 2) and one catalectic trochaic dimeter (line 3) composed amidst a joyful *symposion*, most probably while playing cottabus. The contents of the inscription may be reconstructed approximately as follows above:

Thirst (after revels). I'm thirsting as well and (the prizes
now) most splendid have i won.

The historical meaning of the Taganrog ostrakon can scarcely be exaggerated. The abundance of ionisms in the text is an incontestable evidence that the inhabitants of the settlement were of Eastern Ionian descendance, apparently Milesian. Impeccable Greek, the boustrophedon system, a thorough competence in metrics and poetical diction indicate their high cultural level. The very character of this banquet graffito does not agree with the current opinion that this settlement was a seasonal one, i.e. with defining it as an anchorage of Greek sea merchants or even as a temporary factory or emporion in the political sense of the term.

Dorrie H. Dikaiarchos // Der Kleine Pauly. 2. Sp. 19–21. О таких же симпозиальных призах (ἄθλων) упоминают цитируемые Афинеем (XV. 667 d, f; 668 d) комедиографы Антифан, Кратин и Эвбул.

¹⁴ LSJ, s.v., A, 3: «generally, win, gain, esp. in games». К ион. η = ηι в pf. ἤρηκα ср. Thumb A., Scherer A. Handbuch der griechischen Dialekte. T. II². Heidelberg, 1959. S. 254. § 311, b; Stüber K. Zur dialektalen Einheit des Ostionischen. Innsbruck, 1996. S. 50–53.

¹⁵ Friedländer P., Hoffleit H.B. Epigrammata. Berkeley, 1948 – in fine.